

И. З. и Г. А. Ососковы

Геннадий Алексеевич: Самое первое мое воспоминание о Гарике начинается с того времени, когда я приехал в Дубну в 1961 г. и меня посадили в ЛТФ в комнату рядом с той, в которой работал Гарик, мы здоровались, и как-то он ко мне зашел. Он только что вернулся из Питера с соревнования по парусному спорту, был очень возбужден. Гарик очень оправдывался, почему не занял первое место, он был очень азартным человеком. Вот так мы познакомились. Гарик был тогда такой мускулистый, крепкий и хвастался тем, что имел первый разряд по гимнастике. Я рассказал, что занимался спортом в МГУ, имею также разряды. Гарик меня потряс тем (а мы были на лестничной площадке), что он, как это делают гимнасты, взялся за перила и перекинул себя через них с нижнего этажа на верхний. Я был совершенно потрясен, а он был очень доволен. Появилась такая приязнь, и мы были соседи, разговаривали. Мы были партийные люди и ходили на партсобрания и конференции, и однажды мы — я, Гарик и Николай Николаевич Говорун — сидели рядом и я подбил их решить какое-то уравнение.

Говорун хвастался, что может решить любое уравнение, Гарик сказал, что он тоже умеет. Я им дал какое-то уравнение, и они наперегонки стали решать, выписывая формулы на программке кон-

ференции. Говорун решил первым, но Гарик возразил, что у Говоруна было частное решение, а у него — более общее.

Потом был знаменитый байдарочный поход по Нерли, а это был, по-моему, 1962 г., тогда в походе принципиально разделяли семейные пары. Мне выпало идти с Зоей Широковой и Олей Казаченко: у меня была трехместная байдарка, а Гарик попал с Инной. Вот здесь Инна и познакомилась с Гариком. Выяснилось, что в этом походе только у Гарика был фонарик, и он вошел в лозунг похода: «Гарик, Гарик, дай фонарик!» Гарик греб хорошо, Инна тоже. Наша байдарка всегда отставала. Это был очень тяжелый поход: нас довезли до намеченного по карте места, не зная, что река пересохла, и мы попали в «компот» из осоки, около 10 километров мы волочили байдарки на себе. Когда мы добрались наконец до Белого Городка, катер, на котором мы планировали двигаться дальше, уже давно уплыл, и мы пошли на байдарках до Кимр, чтобы успеть на утренний теплоход до Дубны. И вот, когда мы пришли в Кимры, оказалось, что Гарик и Инна пропали. Так как грести довелось ночью, было темно, то Гарий свернул не в ту протоку, утверждая, что здесь обязательно должен быть выход к Волге. Когда байдарка уперлась в тупик, они вынуждены были нести ее, и, как выяснилось, это было далеко в стороне от Волги. Они все-таки вышли на Волгу и догнали группу...

Ну а дальше была докторская защита, Гарик в 33 года стал доктором. Он держался уверенно, с апломбом рассказывал всё, так снисходя к слушателям, как он умеет. И запомнились слова Д. И. Блохинцева на его защите: «Открывают те, кто ходит неизведанными путями, вот Гарик ходит на грани изведанного и неизведанного, заглядывая в неизведанное».

Дмитрий Иванович на Гарика очень сильно влиял. Манеры Блохинцева у Гарика угадывались очень заметно: и апломб, и такой профессорский снобизм. Дмитрий Иванович был интеллигентом 1930-х гг., и Гарик старался быть таким же, как он, — всё знающим. Всё умеющим он был, потому что вырос в таких условиях, а вот всё знающим он становился. Ну а потом были горные лыжи, что нас тоже очень связывало. Он был инструктор. Инна Захаровна была в группе дубненцев на Чегете в лагере «Джайлык», где Гарик был инструктором много лет. Регулярно, каждые выходные мы ездили в Яхрому на склон. Там же я познакомился со старшей дочерью Гарика, Ирой. Когда Ира училась в МГУ, мой сын Андрей, который там уже преподавал, организовал студенческий выезд в Прикарпатье и взял меня тоже. Я уже научился хорошо кататься, и ему не было стыдно за папу. И вот там мы с Ирой очень подружились, и с тех пор она зовет меня «дядя Гена». Позже

младшая дочь Гарика, Таня, стала моей дипломницей. Она оказалась на редкость умной девушкой, сделала блестящий диплом.

Ну и последнее, о чем я хотел бы рассказать. Где-то в 1988 г. Гарик неожиданно пришел ко мне и сказал, что только я один могу его понять и помочь. Он уже давно работал в Ивановском университете профессором и очень хотел открыть его филиал в Дубне, но для этого нужно было, чтобы он преподавал в Иваново не один. Предложил съездить с ним, посмотреть. Я согласился и потом до 2004 г. проработал в Иваново. Мы с Гариком ездили в разное время и не пересекались, так как для нас была выделена только одна комната в общежитии Ивановского университета. Это были 1990-е гг. — тяжелый период для города Иваново, университета и для меня тоже, но очень плодотворный. Я со всех курсов отбирал самых талантливых ребят, они шли ко мне в дипломники — подготовил около 25 человек, четверо из них защитили кандидатские диссертации, двое остались работать в Дубне. Ну а Гарик не давал мне оттуда сбежать, когда я уставал от этой жизни в общежитии из-за того, что нет света, отопления и т. д. Но мне там нравилось: я приезжал, и на нашей кафедре теорфизики все меня тепло встречали. И у Гарика было то же самое, хотя ему было сложнее — его предмет содержал больше «сухой» теории. Мой предмет — моделирование — был доступней и проходил в компьютерных классах, и студенты, конечно, рвались ко мне, чтобы посидеть за компьютерами. Гарик проработал в Иваново дольше меня. Идея филиала в ОИЯИ, к сожалению, не реализовалась, но сейчас в Институте в разных лабораториях работают ребята из Иваново, в том числе ученики Гарика.

Инна Захаровна: У меня первые впечатления связаны с байдарочным походом, когда мы забрели ночью не в ту протоку, искали северо-западный проход. Гарик был уверен, что двигаться надо в этом направлении, и мы гребли так, что у меня онемели руки. Когда стали веслами ударять о берега, Гарик сказал: «Вставай!», взял рюкзак — это был единственный груз, кроме самой байдарки. И мы, таща байдарку, полубегом направились, поняв дорогу, к Волге, догнали группу и успели сложить байдарку и заброситься на катер в Дубну. А второе длительное знакомство состоялось в 1964 г., когда группа знакомых, человек 12, поехала кататься на горных лыжах. На них я еще не стояла, но у меня был 1-й разряд по беговым лыжам, и я ничего не боялась. Гарик, конечно, был в этой группе лидером. Вечером, когда гуляли, он очень интересно рассказывал, в том числе про квантовую физику. Мне это было интересно. Я, может быть, понимала десятую часть, но я умела слушать. Потом мы дружили семьями, дети наши были близки очень. В горах мы изучали, как спускаться, как поворачи-

вать, как лесенкой подниматься. И когда все влезли на Чегет, а оттуда нужно было спускаться вниз, я тоже решила, первый раз в жизни. Где могу — еду, потом начался такой крутой склон, и я переступаю, как по лестнице. Тут останавливается какой-то лыжник и спрашивает: «Послушай, девочка, а ты можешь боковым соскальзыванием?» — «Нет». — «А кто же тебя запустил сюда? Смотри, как надо». Потом, когда я все-таки преодолела эту крутую горку, а там выкат с километр и несешься со страшной скоростью, вижу, что наша группа стоит. Гарик рукой мне машет. Я как припустила и думала, что я в них сейчас врежусь, но лихо развернулась, и они мне даже зааплодировали.

Геннадий Алексеевич: Я забыл рассказать одну интересную вещь. Гарик был одним из самых первых дубненцев в ЦЕРНе. Он был блестящий теоретик. И вот, когда он уезжал в ЦЕРН, он собрал всех знакомых в квартире на Мичурина. Эту атмосферу нельзя передать: когда Гарик был в ударе, он весь искрился афоризмами, читал наизусть Омара Хайяма, ярко шутил.